

Бекки Чамберс
Долгий путь к маленькой злой планете

Название на языке оригинала:

Becky Chambers
The Long Way to a Small, Angry Planet (c) 2014

Перевод Сергея Саксина (с) 2017

+++++

Посвящается моей семье, где я вылупилась из яйца и оперилась.

+++++

На земле – мы стоим;
На наших кораблях – мы живем;
Звезды – наша надежда.

Пословица флотилии Исхода, покинувшей Землю

+++++

***

День 128-й, стандартный год ГС 306

Перелет

Проснувшись в глубинной капсуле, она вспомнила три вещи. Во-первых, она путешествует в открытом космосе. Во-вторых, ей предстоит новая работа и нужно будет постараться. В-третьих, она подкупила государственного чиновника, чтобы тот снабдил ее новым идентификационным файлом. Ничего нового тут не было, и все-таки неприятно просыпаться с подобными мыслями.

Она пробудилась слишком рано; это должно было произойти по крайней мере только еще через день, но вот что происходит, когда экономишь на транспорте. Дешевый транспорт – это дешевый челнок, летящий на дешевом горючем, и дешевый препарат, который тебя усыпляет. После старта девушка уже несколько раз мельком приходила в сознание – выныривала в полном смятении и тотчас же проваливалась обратно, едва начав понимать, что к чему. В капсуле было темно, навигационные экраны отсутствовали. Невозможно было определить, сколько времени проходило между пробуждениями, как долго продолжался полет и вообще летела ли она куда бы то ни было. Эта мысль вселяла в нее тревогу.

Наконец она пришла в себя настолько, что смогла сосредоточить взгляд на иллюминаторе. Шторка была закрыта, защищая от любых возможных источников света. Впрочем, девушка знала, что их нет и быть не может. Сейчас она находилась в межзвездном пространстве. Здесь не было ни бурлящих жизнью планет, ни оживленных торговых путей, ни сверкающих огнями орбитальных спутников. Только пустота, жуткая пустота, в которой нет ничего, кроме капсулы да редких метеоритов.

Двигатель взвыл, словно готовясь к очередному суббуровневому прыжку. Снотворное снова начало действовать, затягивая девушку в беспокойный сон. Отключаясь, она опять подумала о работе, о лжи, о том, каким самодовольным было лицо чиновника, когда она переводила ему на счет кредиты. У нее мелькнула мысль, хватит ли этих денег. Должно хватить. Обязательно. Она и так уже слишком дорого заплатила за ошибки, к которым не имела никакого отношения.

Глаза у нее закрылись сами собой. Снотворное сделало свое дело. Глубинная капсула предположительно продолжала свой полет.

***

День 129-й, стандартный год ГС 306

Жалоба

Жизнь в космосе никак нельзя назвать тихой. Тому, кто вырос на планете, требуется какое-то время, чтобы привыкнуть к стукам и гулу корабля – к тому постоянно присутствующему окружению, которое обусловлено жизнью внутри механизма. Однако для Эшби все эти звуки были такими же привычными, как и стук его собственного сердца. Он определял, когда пора просыпаться, по вздоху воздушного фильтра над кроватью. Когда метеориты с характерным звуком стучали по наружной обшивке, Эшби сразу чувствовал, какие настолько маленькие, что на них можно не обращать внимания, а от каких следует ждать беды. По характеру треска статического электричества в линии связи он мог сказать, как далеко находится от собеседника. Все это были звуки жизни в космосе, подчеркивающие уязвимость и огромные расстояния. Они напоминали о том, насколько это хрупко – быть живым. Но эти звуки также означали и безопасность. Их отсутствие будет говорить о том, что воздух больше не поступает, двигатели больше не работают, искусственная гравитационная сеть больше не удерживает ноги на полу. Тишина – неотъемлемая часть космоса снаружи. Тишина означала смерть.

Разумеется, были и другие звуки, издаваемые не самим кораблем, а живущими в нем людьми. Даже в бесконечных коридорах кораблей-поселений можно услышать отголоски разговора, шаги по металлическому полу, слабый шорох техника, ползущего по переборкам в поисках какого-то вышедшего из строя невидимого элемента. Корабль Эшби «Странник», хоть и достаточно просторный, казался крошечным по сравнению с поселением, в котором он родился и вырос. Купив «Странник» и набрав экипаж, первое время даже он вынужден был привыкать к тесноте. Однако постоянные звуки людей, которые работали, смеялись и ссорились вокруг, давали ему спокойствие. Открытый космос – это пустота, и бывают моменты, когда даже самый закаленный космонавт смотрит на усеянный светящимися точками звезд мрак со смирением и благоговейным восхищением.

Эшби приветствовал шум. Отрадно было сознавать, что он никогда не остается один, особенно если учесть характер его работы. Создание пробоев едва ли можно было считать завидной профессией. Межзвездные проходы, связывающие пространства Галактического сообщества, являлись чем-то настолько обыденным, что воспринимались как должное. Эшби сомневался, что обыкновенный человек задумывается о сети тоннелей больше, чем о выглаженных брюках или разогретом блюде. Однако его работа требовала постоянно думать о тоннелях, и думать напряженно. Если сидеть и думать о них

слишком долго, мысленно представляя, как корабль ныряет в космическое пространство и возвращается обратно подобно иголке, тянущей за собой нитку... в общем, подобные размышления заставляют человека радоваться шумному окружению.

Эшби находился у себя в кабинете, читая новости за чашкой мека, когда один из звуков заставил его внутренне сжаться. Шаги. Шаги Корбина. *Сердитые* шаги Корбина, приближающиеся к двери его кабинета. Вздохнув, Эшби проглотил раздражение и стал капитаном. Раскрыв уши, он постарался сделать лицо равнодушным. Разговор с Корбином всегда требовал определенной подготовки и серьезной доли беспристрастности.

Артист Корбин был един в двух лицах: талантливый специалист по водорослям и при всем том полный кретин. Первая его ипостась играла жизненно важную роль на борту таких кораблей как «Странник», подолгу автономно работающих в межзвездном пространстве. Если часть горючего станет бурой, это может означать, что вместо прибытия в порт назначения ты навсегда останешься дрейфовать в открытом космосе. Половина нижней палубы «Странника» была заполнена сплошными чанами с водорослями, которым требовался человек, одержимо следящий за концентрацией питательного раствора и соленостью воды. И здесь отсутствие у Корбина умения вести себя в обществе на самом деле являлось преимуществом. Этот человек *стремился* торчать в отсеке с водорослями целые дни напролет, снимать показания приборов, бормоча себе под нос, и добиваться того, что сам он называл «оптимальными условиями». На взгляд Эшби, условия всегда были оптимальными, но в том, что касалось водорослей, он свято полагался на слово Корбина. С тех пор как он взял в экипаж «Странника» Корбина, его расходы на горючее сократились на десять процентов, и тут необходимо также учесть, что мало кто из водорослеведов согласился бы работать на тоннельном корабле. Даже во время короткого путешествия водоросли могут доставить достаточно хлопот, а поддерживать запасы живыми и здоровыми в течение длительного времени требует дотошности, а также терпения. Корбин не выносил людей, но он обожал свою работу и выполнял ее чертовски хорошо. С точки зрения Эшби, это делало его чрезвычайно ценным специалистом. Чрезвычайно ценной головной болью.

Дверь распахнулась, и в кабинет ворвался Корбин. Его лоб как всегда был покрыт бисеринками пота, сидящие волосы на висках слиплись. На борту «Странника» приходилось поддерживать тепло ради навигатора, однако Корбин с самого первого дня громко высказывал свое недовольство стандартной температурой. Даже после нескольких лет, проведенных на «Страннике», его организм упорно отказывался акклиматизироваться, казалось, из чистой вредности.

Лицо у Корбина также покраснелось, хотя оставалось только гадать, было это следствием его настроения или подъема по лестнице. Эшби никак не мог привыкнуть к виду его красных щек. Большинство живущих ныне людей являлись потомками «исходников» – тех, кто давным-давно покинувшего пределы родной Солнечной системы на кораблях Флотилии Исхода. Многие, подобно Эшби, родились на борту тех самых космических поселений, которые принадлежали когда-то беглецам с Земли. Его густые черные кудри и янтарная кожа были следствием многих поколений смешения народов на борту гигантских кораблей. Большинство людей, неважно, родившихся в космосе или уроженцев колоний, принадлежали к лишенной национальных черт расе исходников.

Корбин же, напротив, сохранил характерные черты обитателей Солнечной системы, даже несмотря на то что жители первых планет в последующих

поколениях стали все больше походить внешне на исходников. Учитывая то, какую мешанину представляет собой человеческий геном, люди с более светлой кожей время от времени рождались тут и там, даже на кораблях Флотилии. Но Корбин был прямо-таки *розовый*. Его далекие предки ученые, первопроходцы, построившие первые научно-исследовательские орбитальные станции на орбите Энцелада, жили там веками, бдительно следя за бактериями, процветающими в ледяных морях. Солнце оставалось для них тусклым отпечатком пальца в небе над Сатурном, и они с каждым десятилетием все больше теряли пигментацию. Конечным результатом стал Корбин, розовый человек, рожденный для нудной лабораторной работы и неба без солнца.

Корбин швырнул Эшби на стол свой скриб. Тонкая прямоугольная пластина прошла сквозь похожий на туман пиксельный экран и со стуком упала перед Эшби. Тот сделал жест пикселям, приказывая им рассеяться. Висящие в воздухе заголовки новостей растаяли, превратившись в разноцветные струйки. Пиксели подобно стайкам мошкары упорхнули в проекционные ящики по обеим сторонам стола. Взглянув на скриб, Эшби посмотрел на Корбина и вопросительно поднял брови.

– Вот *это*, – ткнул костлявым пальцем в скриб Корбин, – должно быть шутка!

– Дай-ка я сам догадаюсь, – сказал Эшби. – Дженкс снова испортил твои записи?

Нахмурившись, Корбин покачал головой. Эшби сосредоточил внимание на скрибе, стараясь не рассмеяться при воспоминании о том, как Дженкс в прошлый раз взломал скриб Корбина, заменив старательные записи водорослеведа тремястами шестьюдесятью двумя фотографиями самого себя, в самых разных позах, одетого в чем мать родила. На взгляд Эшби, особенно хорошим был тот снимок, на котором Дженкс размахивал флагом Галактического сообщества. Что ни говори, в нем был какой-то возвышенный драматизм.

Взяв скриб, Эшби развернул его экраном вверх.

Кому: капитану Эшби Сантосо («Странник», лицензия ГС на тоннелирование № 387-97456)

Ответ на: резюме Розмари Харпер (сертификат администрации ГС № 65-78-2)

Эшби узнал этот файл. В нем было резюме нового члена экипажа, который должен был прибыть на следующий день. Вероятно, в настоящий момент девушка лежит в капсуле, накаченная снотворным, чтобы ей было легче перенести длительный перелет в стесненных условиях.

– Зачем ты мне это показываешь? – спросил Эшби.

– О, так ты его *читал!* – возмущенно произнес Корбин.

– Конечно, читал. Я давным-давно сказал всем, чтобы вы ознакомились с этим файлом и еще до прибытия Харпер поняли, с кем вам предстоит иметь дело. – Эшби понятия не имел, к чему клонит Корбин, но тот всегда действовал именно так: сначала пожаловаться, потом объяснить.

Ответ Корбина был предсказуемым: ему даже не нужно было открывать рот.

– У меня не было времени. – У Корбина была скверная привычка игнорировать все, что происходило за пределами его лаборатории. – О чем ты думал, черт возьми, когда брал на борт эту девчонку?

– Я думал о том, – ответил Эшби, – что мне нужен дипломированный делопроизводитель.

Даже Корбин не мог с этим поспорить. Отчетность у Эшби была в ужасном состоянии, и хотя, строго говоря, тоннелирующему кораблю для получения лицензии было необязательно иметь делопроизводителя, начальство из транспортного управления ГО дало ясно понять Эшби, что вечные задержки с донесениями вызывают большое недовольство. Расходы на содержание дополнительного члена экипажа были значительными, но после долгих размышлений и постоянных тычков со стороны Сиссикс Эшби попросил транспортное управление прислать ему дипломированного специалиста. Его бизнес ждут большие неприятности, если он не перестанет одновременно делать сразу два дела.

Скрестив руки на груди, Корбин презрительно фыркнул.

– Ты с ней говорил?

– Мы с Харпер поболтали дней десять назад. По-моему, с ней все в порядке.

– По-моему, с ней все в порядке, – язвительным тоном повторил Корбин. – Очень обнадеживает.

Следующие свои слова Эшби подобрал гораздо тщательнее. В конце концов, это ведь Корбин. Король семантики.

– Ее проверило транспортное управление. Она полностью подходит для этой работы.

– В транспортном управлении все спятили. – Корбин снова ткнул пальцем в скриб. – У нее нет опыта длительных перелетов. Насколько я могу судить, она ни разу в жизни не бывала дальше Марса. Она только-только окончила университет...

Эшби начал загибать пальцы. В эту игру могли играть двое.

– Харпер имеет сертификат на ведение документации ГС. Она проходила практику в наземной транспортной компании, что требует тех же самых базовых навыков, какие нужны мне. Она свободно владеет языком ханто, включая жесты и все остальное, что на самом деле может открыть перед нами кое-какие двери. У нее есть рекомендательное письмо ее учителя по межвидовым отношениям. И, что самое главное, по нашему непродолжительному разговору у меня сложилось впечатление, что я смогу с ней работать.

– Она никогда прежде этим не занималась. Мы в открытом космосе, на пути к слепому пробою, а ты берешь на борт *ребенка!*

– Харпер не ребенок, она просто очень молода. И каждому человеку когда-нибудь приходится впервые браться за работу. Даже ты, Корбин, где-то начинал.

– Знаешь, какой была моя первая работа? Я мыл пробирки в лаборатории у своего отца. Такую работу смогло бы выполнить дрессированное *животное!* Вот какой должна быть первая работа, а не... – Он брызнул слюной. – Позволь напомнить тебе, чем мы здесь занимаемся. Мы летаем, пробивая в космосе дыры – дыры в буквальном смысле. Это опасная работа. И без того мне страшно смотреть на безалаберность Киззи и Дженкса, но у них по крайней мере есть хоть какой-то опыт. Я не смогу выполнять свою работу, если буду постоянно думать о том, как какая-то бестолковая практикантка нажимает не ту кнопку!

Это был предупредительный флажок «Я не могу работать в таких условиях», указывающий на то, что Корбин вот-вот сорвется с катушки. Настало время ставить его обратно на рельсы.

– Корбин, Харпер не будет нажимать ни на какие кнопки. Она будет лишь составлять донесения и вести документацию, и ничего более серьезного.

– А *еще* она будет поддерживать связь с пограничной охраной, планетными патрулями и клиентами, просрочившими оплату. Среди тех, с кем нам приходится работать, встречаются очень неприятные люди. Очень *ненадежные* люди. Нам нужен человек, который сможет постоять за наши права, который при необходимости рявкнет на какого-нибудь выскочку, возомнившего, что он знает правила лучше нас. Нам нужен человек, способный отличить *настоящую* наклейку, подтверждающую безопасность продуктов, от подделки, изготовленной контрабандистом. Нам нужен человек, знающий, *как* вести здесь дела, а не какая-то вчерашняя студентка с невинными глазками, которая наделает в штаны, когда поблизости появится сторожевой корабль квелинцев!

Эшби поставил кружку на стол.

– А *мне*, – сказал он, – нужен человек, который будет держать в порядке всю мою документацию. Мне нужен человек, который будет разбираться с нашими заказами, следить за тем, чтобы мы сделали все необходимые прививки и сканирование перед тем, как пересечь границу, и который в конце концов приведет в надлежащий вид мою финансовую отчетность. Эта работа очень кропотливая, но в ней нет ничего трудного, если Харпер такая аккуратная, как это следует из ее рекомендательного письма.

– Это письмо написано под копирку, я таких повидал целую кучу. Готов поспорить, профессор разослал в точности такие же письма от лица всех тех недотеп, кто приполз к нему, жалобно скуля.

Эшби удивленно выгнул брови.

– Харпер окончила Александрийский университет, как и ты.

– Я учился на научном факультете! – презрительно фыркнул Корбин. – Это большая разница.

– Сиссикс права, Корбин, – рассмеялся Эшби. – Ты *действительно* сноб.

– Сиссикс может отправляться ко всем чертям!

– Я слышал, как ты вчера говорил ей это же самое. Тебя было слышно по всему коридору.

Однажды Корбин и Сиссикс точно прикончат друг друга. Они никогда не ладили между собой, и ни у него, ни у нее не было ни малейшего желания искать точки соприкосновения. Тут Эшби приходилось быть крайне осторожным. Эшби и Сиссикс дружили еще до «Странника», но когда он стал капитаном, ему пришлось относиться к ней и Корбину одинаково как к членам своего экипажа. Для того чтобы усмирять их частые стычки, требовался деликатный подход. По большей части Эшби просто старался держаться в стороне.

– Ты не скажешь, в чем дело?

– Она забрала мои последние зубные протезы! – скривил рот Корбин.

Эшби недоуменно заморгал.

– Тебе же известно, что в грузовом отсеке у нас полные ящики зубных протезов.

– Это не *мои* протезы! Вы закупили дешевые подделки, от которых у меня болят десны.

– Я сам пользуюсь такими каждый день, и с деснами у меня все в порядке.

– А у меня десны очень чувствительные. Если не веришь, спроси у доктора Шефа мою стоматологическую карту. Я вынужден сам покупать себе протезы!

Эшби хотелось надеяться, что он не показал своим видом, как невысоко значится в списке его приоритетов эта печальная история.

– Я понимаю твое недовольство, однако мы сейчас говорим не об упаковке зубных протезов.

– Между прочим, они далеко не дешевые! – продолжал негодовать Корбин.
– Сиссикс сделала это мне назло, я в этом уверен! Если эта себялюбивая ящерица не может...

– Стоп! – восторженно воскликнул Эшби. – Так не пойдет! Я больше не хочу слышать это слово.

Слово «ящерица» едва ли можно было считать самым страшным расистским оскорблением, и все же оно считалось достаточно обидным.

Корбин поджал губы, словно сдерживая последующие ругательства.

– Извини.

У Эшби шерсть встала дыбом, но, если честно, только так и можно было вести разговор с Корбином. Отделить его от остальных членов экипажа, дать ему выпустить пар, дождаться, когда он переступит черту, после чего строго отчитать, пока он еще будет испытывать раскаяние.

– Я поговорю с Сиссикс, но ты должен быть с людьми вежливее. И я тебя предупреждаю: как бы ты ни злился, подобные слова у меня на корабле недопустимы!

– Я просто вышел из себя, только и всего.

Корбин по-прежнему злился, но даже он понимал, что не следует кусать руку, которая тебя кормит. Он знал себе цену, однако в конечном счете именно Эшби переводил кредиты на его счет. А «ценный» еще не значит «незаменимый».

– Да, ты вышел из себя, но ты являешься членом многовидового экипажа, и необходимо об этом помнить. Особенно учитывая то, что на борту скоро появится новичок. И раз уж об этом зашла речь, я сожалею о том, что ты тревожишься насчет Харпер, однако, если честно, она не твоя забота. Да, ее предложило нам транспортное управление, однако окончательное решение принимал я. Если она нас не устроит, мы найдем кого-нибудь другого. Но до тех пор мы будем считать ее хорошим специалистом ввиду отсутствия доказательств обратного. Как бы ты к ней ни относился, я жду, что ты встретишь ее радушно. Больше того... – По лицу Эшби медленно расплылась улыбка.

– Что такое? – встревожился Корбин.

Подавшись вперед, Эшби сплел пальцы на столе.

– Корбин, я тут вспомнил, что наш новый делопроизводитель прибывает завтра около половины шестого. Так вот, я распорядился, чтобы в семнадцать в кабинете приготовили сиб для связи с Йоси, а ты знаешь, какой он разговорчивый. Сомневаюсь, что я успею разобраться со своими делами до того момента, как Розмари Харпер причалит, а ей будет нужен тот, кто покажет ей, где что.

– Нет, только не это! – ошеломленно воскликнул Корбин. – Пусть этим займется Киззи. Она это любит.

– У Киззи своих забот полно. Она должна заменить воздушный фильтр в лазарете, и я сомневаюсь, что она управится с этим до завтра. Дженкс будет помогать Киззи, так что на него также нельзя рассчитывать.

– Ну тогда Сиссикс.

– Мм, Сиссикс предстоит много подготовительной работы перед завтрашним пробоем. Наверное, у нее не будет времени. – Эшби усмехнулся. – Не сомневаюсь, ты устроишь Харпер увлекательную экскурсию по кораблю.

Корбин с ненавистью посмотрел на капитана.

– Знаешь, Эшби, порой ты бываешь просто невыносим!

Взяв кружку, Эшби допил остывшие помои.

– Я знал, что на тебя можно рассчитывать.

***

День 130-й, стандартный год ГС 306

Прибытие

Розмари потеряла переносицу, забирая стаканчик воды из раздатчика на стене. У нее в голове все еще стоял туман от последствий снотворного, и пока что от стимуляторов, которые вроде бы должны были с этим бороться, у нее лишь учащенно колотилось сердце. Затекшие мышцы жаждали потянуться, однако пока глубинная капсула продолжала движение, расстегнуть ремни безопасности было нельзя; к тому же в такой тесноте все равно не удалось бы выпрямиться во весь рост и пройтись. Застонав, Розмари откинула голову назад. С момента старта капсулы прошло уже почти трое суток. Солнечных суток, напомнила себе Розмари. А не стандартных. Нужно приучаться отличать одно от другого. Сутки длиннее, год длиннее. Однако в настоящий момент у нее были более насущные заботы, чем различие календарей. У нее болела голова, затекли мышцы, она хотела есть, и она не могла припомнить, чтобы за все двадцать три года своей жизни – солнечных, не стандартных, – она так сильно хотела в туалет. Бесперомонный служащий-аэлуонец в космопорту заверил ее в том, что снотворное подавит это желание, ничего не упомянув о том, что будет, когда его действие закончится.

Розмари представила, какое пространное письмо с жалобами написала бы после подобного путешествия ее мать. Впрочем, трудно было представить, чтобы ее мать вообще отправилась куда-либо в капсуле. Больше того, Розмари даже не могла себе представить, чтобы ее мать ступила ногой в общественный космопорт. Она удивилась, когда *сама* оказалась там. Убогий зал ожидания, дрожащие пиксели плакатов, затхлый запах гнилых водорослей и чистящих средств. Окруженная экзоскелетами и щупальцами, Розмари чувствовала себя инопланетянкой.

Вот что окончательно убедило ее в том, как же она далеко от Солнечной системы, – пестрый зверинец разумных существ, стоящих вместе с ней в очереди в билетную кассу. Родная планета Розмари считалась достаточно космополитичной, и все же помимо редких дипломатов и торговых представителей нелюди прибывали на Марс нечасто. Небольшая планета, населенная одним из наименее влиятельных разумных видов во всем Галактическом сообществе, не притягивала к себе межгалактических путешественников. Профессор Селим предупреждал, что теоретическое знакомство с особенностями межвидового общения бесконечно отличается от непосредственного *контакта* с другими разумными видами, однако в полной мере Розмари осознала это только тогда, когда оказалась в окружении громоздких биокостюмов и ног, не требующих обуви. Она волновалась, даже разговаривая с хармагианином в билетной кассе. Она знала, что блестяще владеет ханто (по крайней мере для человека), однако теперь это была уже не безопасная, предсказуемая обстановка университетской аудитории. Здесь никто уже не поправит мягко ее ошибку, не простит неумышленное нарушение правил общественного поведения. Теперь Розмари была предоставлена сама себе, и для того чтобы у нее на счету были кредиты, а под головой – подушка, ей придется выполнять ту работу, которую, как она заверила капитана Сантосо, она способна выполнять.

Никакого давления, ничего.

Уже не в первый раз у нее в груди похолодело. Никогда в жизни ей не приходилось беспокоиться о деньгах и о том, где жить. Однако теперь последние ее сбережения таяли, мосты позади были сожжены, и возможности для ошибки не было. Это цена того, чтобы начинать все с нуля, – в случае чего опереться не на кого.

«Пожалуйста, – мысленно взмолилась Розмари, – пожалуйста, пусть все пройдет хорошо!»

– Розмари, начинаем сближение, – пропищал бортовой компьютер капсулы. – Требуется ли вам что-нибудь до того, как я начну процедуру стыковки?

– Туалет и бутерброд, – сказала Розмари.

– Прошу прощения, Розмари, у меня возникли проблемы с обработкой этих данных. Вы не могли бы повторить свой запрос?

– Мне ничего не нужно.

– Хорошо, Розмари. Сейчас я открою наружные шторы. Возможно, вам захочется закрыть глаза, чтобы привыкнуть к внешним источникам света.

Услышав приглушенный шум раскрывающихся шторок, Розмари послушно зажмурилась, однако веки ее оставались в темноте. Открыв глаза, она обнаружила, что единственный существенный источник света находится внутри капсулы. Как она и ожидала, за иллюминатором не было ничего, кроме пустоты и крошечных звезд. Открытый космос.

«Интересно, какова толщина внешней оболочки глубинной капсулы?»

Капсула развернулась, и Розмари непроизвольно прикрыла глаза рукой, защищаясь от внезапной вспышки света, выливающегося из иллюминаторов самого уродливого корабля, какой ей доводилось когда-либо видеть. Корпус его был массивный и угловатый, за исключением громоздкого купола, выпирающего подобно горбу. Этот корабль не предназначался для перевозки разборчивых состоятельных пассажиров. В его обводах отсутствовали красота и изящество. Размерами он был больше пассажирского корабля, но меньше космического грузовика. Отсутствие крыльев указывало на то, что он был построен в космосе и не предназначался для входа в плотные слои атмосферы. В нижней части корпуса судна размещался огромный сложный механизм – ряды острых металлических шипов, похожих на зубы, направленных на длинный тонкий шпиль. Розмари плохо разбиралась в космических кораблях, однако судя по пятнам разной краски на внешней обшивке она заключила, что это чудовище слеплено из секций, позаимствованных у других судов. «Лоскутный» корабль. Единственным утешением было то, что выглядел он достаточно прочным. Этот корабль способен выдержать сильные удары (и он уже выдерживал их в прошлом). Хотя те корабли, на которых приходилось до сих пор путешествовать Розмари, на вид были гораздо привлекательнее, отрадно было сознавать, что от космической пустоты ее теперь будет отделять такой прочный и крепкий корпус.

– «Странник», говорит глубинная капсула 36-А, прошу разрешения на стыковку, – произнес бортовой компьютер.

– Капсула 36-А, говорит «Странник», – ответил женский голос, говоривший с легким акцентом исходников. Розмари отметила мягкость гласных; произношение было *чересчур* отточенным. Искусственный интеллект. – Пожалуйста, подтвердите личные данные пассажира.

– «Странник», вас понял. Передаю личные данные пассажира.

Последовала короткая пауза.

– Капсула 36-А, данные подтверждены. Стыковка разрешается.

Капсула двинулась вдоль «Странника» подобно детенышу морского млекопитающего, собирающегося прильнуть к материнской груди. Кормовой люк капсулы вошел в углубление стыковочного узла корабля. Розмари услышала стук и лязг соединяющихся захватов. Воздух со свистом устремился в открывшуюся шлюзовую камеру.

Дверца люка скользнула вверх. Розмари со стоном поднялась на ноги. Казалось, все ее мышцы сейчас развалиться. Захватив с багажной полки рюкзак и сумку, молодая женщина прихрамывая направилась к выходу. Между гравитационными полями капсулы и корабля было небольшое несоответствие, достаточное для того, чтобы у Розмари при переходе через шлюзовую камеру в груди неприятно екнуло. Это ощущение продолжалось всего несколько мгновений, однако в сочетании с кружащейся головой, дерганным пульсом и горящим мочевым пузырем его хватило, чтобы Розмари пересекла грань между «неуютным» и «близким к отвратительному». Оставалось только надеяться, что новая койка окажется мягкой.

Розмари шагнула в небольшой обеззараживающий отсек, совершенно пустой, если не считать светящейся желтой панели, закрепленной на стойке на уровне пояса. Из вокса в стене донесся голос искусственного интеллекта:

– Привет! Вообще-то я знаю, кто вы такая, и все же вы не могли бы для полной уверенности провести браслетом по панели?

Розмари закатала рукав, открывая идентификационный браслет – полоску ткани, закрывающую небольшую пластинку, вживленную под кожу на внутренней стороне запястья правой руки. На этой пластинке размером с ноготь хранилось множество различной информации: идентификационный файл, номер банковского счета, а также медицинский интерфейс для связи с полумиллионом иммуноботов, регулирующих систему кровообращения. Как и все жители ГС, Розмари получила первый браслет еще в детстве (для людей это обыкновенно происходило в пять лет), однако та пластинка, которая была у нее сейчас, была вживлена ей всего несколько десятидневков назад. Кожа вокруг нее все еще была блестящей и нежной. Новая пластинка обошлась Розмари почти в половину всех ее сбережений, что было просто безумно дорого, однако она была не в том положении, чтобы торговаться.

Девушка поднесла запястье к желтой панели. Мягко запульсировал свет. Вместе со стимуляторами по крови разлилась волна адреналина. А что, если с пластиной что-то напутали и сейчас сканер считает старый идентификационный файл? Что, если он увидит ее имя и сопоставит одно с другим? Будет ли это иметь какое-либо значение для тех, кто на «Страннике»? Будет ли иметь значение то, что она, Розмари, не сделала ничего плохого? Отвернутся ли от нее эти люди, как отвернулись от нее ее друзья и знакомые? Посадят ли ее снова в глубинную капсулу и отправят обратно на Марс, назад к тому имени, которое ей не нужно, и к той трагедии, к которой она...

Панель дружелюбно зажглась зеленым светом. Розмари облегченно вдохнула и мысленно отчитала себя за излишнюю нервозность. Новая пластинка прекрасно работала с тех самых пор, как ее вживили. Розмари без проблем удостоверяла свою личность и осуществляла финансовые расчеты на всем пути сюда. Маловероятно, чтобы сканнер на этом убогом тоннелирующем корабле выявил какие-либо нестыковки, если этого не сделала самая совершенная аппаратура в космопортах. Это был последний барьер у нее на пути. Теперь ей остается беспокоиться только насчет того, справится ли она с работой.

– Итак, вы действительно Розмари Харпер, – сказала искусственный интеллект. – Меня зовут Ловелас, и я выполняю роль коммуникационного

интерфейса этого корабля. Кажется, у нас с вами в каком-то смысле относительно похожая работа, вы не согласны? Вы осуществляете связь от лица экипажа. Я осуществляю связь от лица корабля.

– Пожалуй, вы правы, – неуверенно подтвердила Розмари.

У нее не было опыта общения с искусственным интеллектом, наделенным чувствами. Все те, с кем она имела дело дома, были чисто утилитарными. В университетской библиотеке был искусственный интеллект по имени Оракл, но это был только ученый. Розмари еще никогда не приходилось разговаривать с таким «одушевленным» ИИ как Ловелас.

– Я могу звать вас просто Розмари? – спросила Ловелас. – Или у вас есть прозвище?

– Розмари подойдет.

– Вот и отлично, Розмари. А ты, если хочешь, можешь звать меня Лови. Меня так все зовут. Ну как, хорошо наконец выбраться из капсулы, правда?

– Ты даже представить себе не можешь.

– Верно. Но с другой стороны ты понятия не имеешь, как это здорово – откалибровать матрицы памяти.

Розмари задумалась.

– Ты права, не имею.

– Розмари, буду с тобой искренней. На самом деле я так долго испытывала твоё терпение своей болтовней, потому что не хотела, чтобы ты скучала, пока я проверяю тебя на наличие загрязнений. У одного члена нашего экипажа очень специфические требования к здоровью, и мне приходится выполнять гораздо более подробное сканирование, чем это принято на других кораблях. Но теперь уже осталось совсем недолго.

Розмари не показалось, что она ждала долго, однако она понятия не имела, какой промежуток времени определяется искусственным интеллектом как продолжительный.

– Можешь не торопиться.

– Это весь твой багаж?

– Да, – подтвердила Розмари.

На самом деле она захватила с собой абсолютно все свое имущество (то есть, все то, что она не распродала). Девушка до сих пор не переставала удивляться тому, что смогла уложить все в две больших сумки. После жизни в родительском доме, полном мебели, всяческих дорогих безделушек и сувениров, сознание того, что ей нужно только то, что она может унести с собой, вселяло в нее чувство свободы.

– Положи свои сумки в грузовой лифт справа от тебя, и я отправлю их на жилую палубу. Ты сможешь их забрать, когда пойдешь к себе в каюту.

– Спасибо, – поблагодарила Розмари.

Открыв металлическую дверь в стене, она поставила сумки в соответствующий отсек и захлопнула дверь. В стене послышался шум движения.

– Так, Розмари, я закончила сканирование. Мне очень неприятно это говорить, но у тебя в организме несколько жучков, занесенных в черный список.

– Каких еще жучков? – в ужасе спросила Розмари.

Она с отвращением вспомнила грязные сиденья и липкие перила космопорта. Прошло всего три десятидневки с тех пор, как она покинула Марс, и она уже успела подцепить какую-то чуждую заразу!

– О, ничего такого, что навредит тебе, но с этим не справится наш навигатор. Перед тем как снова покинуть корабль, тебе придется попросить нашего врача соответствующим образом обновить твои иммуноботы. А пока что

мы ограничимся обеззараживающей вспышкой. Ничего не имеешь против? Лови терзается чувством вины, и на то есть причины. Единственная хорошая вещь в обеззараживающей вспышке – это то, что все будет кончено очень быстро.

– Ну хорошо, – стиснув зубы, пробормотала Розмари.

– Приготовились, – сказала Ловелас. – До вспышки три... два... один...

Камера заполнилась резким оранжевым светом. Розмари буквально почувствовала, как свет проходит прямо сквозь нее. Холодное жалящее ощущение ворвалось через ее поры, через зубы, через луковицы волосков ресниц. На какое-то мгновение она прочувствовала, где находятся все ее капилляры.

– О, я приношу свои извинения, – сказала Ловелас, когда свечение погасло. – Я терпеть не могу эту процедуру. У тебя такой вид, будто тебе плохо.

Розмари сильно выдохнула, стараясь стряхнуть с себя похожий на тысячи маленьких иголочек зуд.

– Ты ни в чем не виновата, – пробормотала она. – Начнем с того, что я уже чувствовала себя неважно.

Она остановилась, поймав себя на том, что пытается поднять настроение искусственному интеллекту. Это было глупо, и все же было в поведении Ловелас нечто такое, что исключало любой другой ответ. Интересно, может ли ИИ обидеться? Розмари точно это не знала.

– Надеюсь, скоро тебе станет лучше. Я знаю, что для тебя уже готов ужин, но хочется надеяться, что потом ты сможешь немного отдохнуть. Ладно, я и так уже надолго тебя задержала. Теперь ты можешь пройти. И пусть я стану первой, кто скажет тебе: добро пожаловать на борт!

Вокс отключился. Розмари приложила ладонь к дверной панели. Внутренняя дверь шлюза открылась, и молодая женщина увидела бледного мужчину с кислой физиономией. Как только она шагнула из шлюзовой камеры, выражение его лица изменилось. Это была самая неискренняя улыбка, какую только видела Розмари.

– Добро пожаловать на борт «Странника», – сказал мужчина, протягивая руку. – Артис Корбин, специалист по водорослям.

– Рада с вами познакомиться, мистер Корбин. Я Розмари Харпер.

Розмари пожала Корбину руку, оказавшуюся вялой и липкой от пота. Девушка поспешила отдернуть свою руку.

– Можно просто Корбин. – Он кашлянул. – Вы... э...

Он указал на противоположную стену. Там была дверь с человеческой пиктограммой, обозначающей туалет.

Розмари со всех ног устремилась туда.

Появилась она через несколько минут, в более позитивном настроении. Сердце у нее по-прежнему колотилось, голова еще не успела полностью проясниться, от зуда все еще ныли зубы. Но по крайней мере с *одной* физиологической проблемой было покончено.

– Глубинные капсулы – худшее средство передвижения, – сказал Корбин. – Знаете, в них используется отвратительное топливо. Регулярно случаются аварии. Честное слово, тут необходимо навести строгий порядок.

Розмари принялась лихорадочно искать ответ, но Корбин ее опередил.

– Сюда, пожалуйста.

Она направилась следом за ним по коридору.

Внутри «Странник» оказался ничуть не привлекательнее, чем снаружи, однако в беспорядочном смещении красок было свое скромное очарование. Маленькие иллюминаторы через равные промежутки разбивали стены. Сами стеновые панели скреплялись между собой болтами и винтами разных размеров и

форм. Как и снаружи, стены были разных цветов – с одной стороны медно-бурая, с другой – тускло-бронзовая, время от времени вдобавок появлялся светло-серый лист.

– Интересный дизайн, – заметила Розмари.

– Если под «интересным» понимать то, что корабль похож на лоскутное одеяло моей бабушки, тогда вы правы, – презрительно фыркнул Корбин. – «Странник» старый корабль. Как и большинство тоннелирующих кораблей. Поощряются те капитаны, которые модернизируют старые суда вместо того, чтобы приобретать новые. Эшби воспользовался этим сполна. Возраст исходного корабля около тридцати пяти стандартов. Построен надежно, но без учета соображений удобств для экипажа. Эшби добавил более просторные каюты, увеличил грузовой отсек, установил душ и тому подобное. Разумеется, снял все это со списанных кораблей. У него нет денег, чтобы переоснастить «Странник» всем новым.

Розмари испытала облегчение, услышав про улучшение условий жизни членов экипажа. Она уже мысленно была готова к узким крохотным койкам и устройствам обработки санитарным порошком вместо душевых кабин.

– Я так понимаю, Лови также была добавлена позднее?

– Да. Ее купил Эшби, но она любимица Дженкса. – Корбин не стал объяснять, что хотел этим сказать. Кивнув на стену, он продолжал: – В каждой каюте и во всех основных развилках установлены воксы. Где бы ты ни находился, Лови услышит твою просьбу и передаст для тебя сообщение. Все переговоры транслируются на весь корабль, так что следите за тем, что говорите. Вокс – это инструмент, а не игрушка. Огнетушители также доступны по всему кораблю. Если нужно, Киззи пришлет вам план их расположения. Шкафы со скафандрами у стыковочного люка, на жилой палубе и в грузовом отсеке. Спасательные капсулы имеются на всех палубах. У нас также имеется челнок, доступ в который из грузового отсека. Если увидите, что зажглись панели системы оповещения, бегите к скафандру, капсуле или челноку – что будет ближе. – Коридор впереди разделен надвое. Корбин указал налево. – Там лазарет. Ничего навороченного, но достаточно для того, чтобы поддержать жизнь до тех пор, пока мы не прибудем в порт.

– Понятно, – сказала Розмари, стараясь не делать никаких выводов из того, что до сих пор Корбин говорил исключительно о чрезвычайных ситуациях и травмах.

От развилки впереди донеслись громкие, веселые голоса. Что-то с грохотом упало на пол. Затем последовал короткий спор, после чего взрыв хохота. Корбин прищурился, словно борясь с головной болью.

– Кажется, сейчас вы познакомитесь с нашими техниками, – сказал он.

Завернув за угол, они увидели сплетение проводов и кабелей, разбросанных по полу. Во всем этом не было ни порядка, ни смысла – по крайней мере Розмари его не увидела. Из раскрытой стеновой панели подобно выпотрошенным внутренностям торчали трубки с водорослями. В самой стене работали двое, мужчина и женщина, оба люди – впрочем, так ли? Насчет женщины, находящейся на грани между двадцатью и тридцатью годами, никаких вопросов не было. Ее черные волосы были забраны сзади в косой узел, перетянутый вытертой, линиялой лентой. Она была в оранжевом комбинезоне, перепачканном пятнами машинного масла и зеленых водорослей, с яркими заплатками на локтях, пришитых большими стежками. На рукавах были сделанные от руки торопливые записи вроде: «Проверить 32-Б – старые провода?», «Тупица, не забывай про воздушные фильтры» и «Ешь!». На приплюснутом носу

устроились какие-то странные оптические линзы – вместо одной линзы на каждый глаз их было не меньше полудюжины, соединенных в оправы. Одни, выпуклые, увеличивали, другие мерцали крошечными цифровыми панелями. Похоже, все они были кустарного изготовления. Что касается самой женщины, ее темно-оливковая кожа позволяла предположить, что она много времени купалась в естественном солнечном освещении, однако невыразительные черты лица однозначно свидетельствовали о том, что она исходянка. Розмари предположила, что женщина, скорее всего, выросла в колонии, расположенной за пределами Солнечной системы, – «вне Солнца», как сказали бы на Марсе.

Напротив, определить видовую принадлежность мужчины было не так-то легко, хотя по большинству параметров он внешне походил на человека. Черты лица, строение тела, конечности, пальцы – все это выглядело знакомым. Даже его бронзовая кожа была такая же, как у Розмари, хотя и чуть темнее. Однако, хотя голова его имела нормальные размеры, все остальное тело было крошечным, как у ребенка. При этом мужчина имел плотное телосложение, как будто конечности, отказываясь удлиняться, раздавались в ширину. Он был настолько маленький, что спокойно поместился бы у женщины на плечах – именно там он и стоял. Словно сознавая непримечательность своего физического строения, мужчина не пожалел времени и сил на то, чтобы украсить себя. Виски у него были выбриты, а голову сверху венчал пучок кудрей. Уши были украшены целыми созвездиями сережек, руки покрывал сплошной слой разноцветной татуировки. Розмари пришлось сделать над собой большое усилие, чтобы не таращиться на него. Она заключила, что мужчина все-таки человек, но только генетически модифицированный. Это было единственное объяснение, какое пришло ей в голову. Но опять же, кому понадобилось прикладывать столько усилий, чтобы стать маленьким и уродливым?

Женщина оторвалась от работы.

– О, ура! – радостно воскликнула она. – Дженкс, слезай с меня, нам нужно встретить гостей.

Маленький человечек, работавший внутри в стене каким-то шумным инструментом, обернулся и снял защитные очки.

– Ага, – сказал он, слезая со своей напарницы. – К нам новенькая.

Прежде чем Розмари смогла что-либо ответить, женщина выпрямилась, сняла перчатки и заключила ее в крепкие объятия.

– Добро пожаловать домой! – Она отстранила Розмари от себя, и ее лицо растянулось в заразительной улыбке. – Я Киззи Сяо. Техник-механик.

– Розмари Харпер. – Розмари постаралась скрыть свое смущение. – Спасибо за теплые слова.

Улыбка Киззи стала еще шире.

– Оох, мне нравится твое произношение. Вы, марсиане говорите так гладко!

– Я специалист по компьютерам, – представился мужчина, вытирая руки тряпкой. – Дженкс.

– Это имя или фамилия? – спросила Розмари.

– Кому как больше нравится, – пожал плечами Дженкс, пожимая ей руку.

Несмотря на то что руки у него были маленькие, рукопожатие получилось гораздо крепче, чем у Корбина. – Рад с вами познакомиться.

– И я тоже рада с вами познакомиться, мистер Дженкс.

– *Мистер Дженкс!* Это мне нравится. – Он оглянулся. – Эй, Лови, будь добра, соедини меня со всеми. – Включился ближайший вокс. – Всем внимание! – торжественно произнес Дженкс. – Наученный примером нашей новой

секретарши, я отныне буду откликаться только на полное обращение «мистер Дженкс». Благодарю за внимание, это все.

Наклонившись к Розмари, Корбин понизил голос.

– На самом деле воксы нужны не для этого.

– Итак, – продолжала Киззи, – как прошло путешествие?

– Бывало и получше, – призналась Розмари. – Хотя я добралась сюда в целостности и сохранности, так что, полагаю, жаловаться не на что.

– Жалуйся сколько душа пожелает, – сказал Дженкс, доставая из кармана помятую жестяную банку. – Глубинные капсулы – самый дерьмовый способ передвижения. Да, знаю, это единственный способ попасть сюда быстро, но эти штуковины чертовски опасные. Тебя все еще трясет от стимуляторов? – Розмари кивнула. – Да, точно, поверь мне, тебе станет лучше, когда ты закинешь в себя что-нибудь съестное.

– Ты уже посмотрела свою каюту? – спросила Киззи. – Я повесила там занавески, но если ткань тебе не нравится, говори, не стесняйся, и я их тотчас же сорву.

– Я там еще не была, – призналась Розмари. – Но пока что я восхищаюсь вашей работой. Должно быть, непросто модернизировать такую старую модель.

Лицо Киззи озарилось подобно световому шару.

– Да, тут ты права, но понимаешь, именно в этом вся прелесть! Это подобно головоломке – определять, с какими цепями будут общаться старые устройства, добавлять разные новшества для большего уюта, быть в курсе всех секретов старого корпуса, чтобы мы не взорвались ко всем чертям. – Она удовлетворенно вздохнула. – Это лучшая работа, какую только можно пожелать. Ты уже видела «Аквариум»?

– Что, прошу прощения?

– «Аквариум». – Киззи просияла. – Просто подожди. Это что-то лучшее из лучших.

– Дженкс, ты это серьезно? – вдруг воскликнул ошеломленный Корбин, глядя на компьютерщика.

Жестянка Дженкса была наполнена красным тростником. Набив щедрую щепотку в маленькую кривую трубочку, он теперь раскуривал ее с помощью сварочного аппарата.

– В чем дело? – сквозь стиснутые зубы процедил Дженкс.

Он глубоко затянулся, и измельченные волокна вспыхнули и задымались. Розмари в нос ударил слабый запах горелой корицы и пепла. Она вспомнила своего отца, который за работой всегда попыхивал трубкой, и поспешила прогнать прочь нежелательные мысли о своих родных.

Корбин зажал ладонью нос и рот.

– Если ты хочешь наполнять свои легкие токсинами – замечательно, но делай это у себя в каюте!

– Успокойся, – сказал Дженкс. – Это специальный сорт, выведенный лару, да будут благословенны их восьмиклапанные сердца. Полный вкус красного тростника и полное отсутствие токсинов. Стопроцентная польза. Ну, по крайней мере никакого *вреда*. Ты как-нибудь попробуй, это сотворит чудеса с твоим настроением. – Он выпустил в Корбина струю дыма.

Корбин напрягся, но чувствовалось, что он не хочет вступать в пререкания. У Розмари сложилось впечатление, что, несмотря на свои громкие слова насчет внутреннего распорядка, Корбин на самом деле не имел никакой власти над техниками.

– Эшби знает об этом? – спросил Корбин, указывая на пол.

– Успокойся, брюзга! – сказала Киззи. – К ужину все будет починено и убрано.

– Ужин через полчаса, – напомнил Корбин.

– О нет! – театральнo всплеснула руками Киззи. – Ты серьезно? Я полагаю, ужин в восемнадцать, разве не так?

– Сейчас семнадцать с половиной.

– Твою мать! – выругалась Киззи, ныряя обратно в стену. – Розмари, мы поговорим позже, сейчас меня ждет работа. Дженкс, дружок, забирайся ко мне на плечи, живо!

– Оп! – сказал Дженкс, залезая на свою напарницу с зажатой в зубах трубкой.

Не сказав больше ни слова, Корбин двинулся дальше по коридору.

– Было приятно с вами познакомиться! – окликнула Розмари, спеша следом за ним.

– И нам тоже! – крикнула ей вдогонку Киззи. – Проклятие! Дженкс, ты уронил пепел мне в рот!

Послышались плевки, затем дружный смех.

– Просто диву даешься, что мы еще живы, – пробормотал себе под нос Корбин.

Больше он ничего не сказал. Дальше они шли по коридору молча. Розмари рассудила, что непринужденные разговоры ни о чем – не его стихия. Какой неуютной ни была тишина, она решила ее не нарушать.

Коридор извивался внутрь, уводя в противоположный конец корабля. В апексе изгиба была дверь.

– Это центр управления, – объяснил Корбин. – Навигационный и тоннелирующий узел. Тебе здесь делать нечего.

– Но все равно можно туда заглянуть? Просто чтобы знать, что к чему? Корбин замялся.

– Там сейчас вероятно работает наш штурман. Не надо ее беспокоить...

Дверь отворилась, и в коридор вышла самка-аандриска.

– Мне показалось, я услышала новый голос! – воскликнула она.

Ее голос прозвучал с хрипотцой, и все же это было лучшее произношение, какое Розмари только слышала от представителей ее вида. Хотя у нее не было большого опыта общения с аандрисками. Как один из трех видов, стоявших у истоков Галактического Сообщества, аандриски встречались по всей галактике. По крайней мере так говорили Розмари. Стоящая перед ней сейчас аандриска была первой, с кем она разговаривала. У нее в голове лихорадочно понеслись мысли: она судорожно пыталась вспомнить, что ей было известно о культуре аандрисков. «Сложная структура семьи. Практически полное отсутствие концепции личной неприкосновенности. Ласковые и нежные. Любвеобильные». Розмари мысленно отвесила себе затрещину. Это был стереотип, известный каждому человеку, и от него пахивало этноцентризмом. «Они не образуют пар в отличие от нас, – строго поправила себя Розмари. – Это не одно и то же». У нее перед глазами возник образ хмурающегося профессора Селима. «Сам факт, что мы используем слово «хладнокровный» в качестве синонима «бессердечному» многое говорит о том предубеждении, с которым мы, приматы относимся к рептилиям, – услышала она его голос. – Не суди другие виды по своим собственным социальным нормам».

Полная решимости не подвести профессора, Розмари приготовилась потереться с аандриской щеками, что, как она слышала, было принято у этого вида. Она готова была стерпеть любое приветствие, каким удостоила бы ее эта

особь. Теперь она является членом многовидового экипажа и должна быть этому рада, черт побери.

Но, к разочарованию Розмари, аандриска лишь протянула свою когтистую руку, приглашая обменяться рукопожатием.

– Должно быть, вы Розмари, – тепло произнесла она. – Меня зовут Сиссикс.

Розмари как могла обвила пальцами чешуйчатую конечность Сиссикс. Их руки имели совершенно разную форму и строение, но они постарались как могли. Для Розмари Сиссикс была совершенно чуждым видом, поэтому едва ли к ней был применен эпитет «красивая», но... *поразительная*. Да, это слово подходило гораздо больше. Сиссикс была на целую голову выше Розмари, ее тело было гибким и поджарым. Зеленая чешуя покрывала его от макушки головы до кончика хвоста, принимая на брюхе более бледный оттенок. Лицо у Сиссикс было гладкое – ни носа, ни губ, ни ушей, заслуживающих внимания, а только отверстия для дыхания, отверстия слухового аппарата и узкая прорезь рта. Пучок разноцветных перьев покрывал ее голову подобно короткой дерзкой гриве. Грудь была плоская, как у человека-мужчины, однако контраст узкой талии и мускулистых ящероподобных нижних конечностей создавал иллюзию женских бедер (хотя Розмари понимала, что это порождалось также устоявшимися нормами человеческой культуры; аандриски-самцы имели в точности такое же строение тела, как и самки, но только отличались меньшими размерами). Ноги у Сиссикс были слегка изогнутые, словно изготовленные к прыжку, а пальцы на руках и ногах заканчивались широкими тупыми когтями. Все когти были раскрашены ленивыми золотистыми завитками и, на взгляд Розмари, тосковали по маникюрным ножницам. Сиссикс была в свободных брюках с низкой талией и жилете, застегнутом на единственную пуговицу. Розмари вспомнила слова профессора Селима о том, что аандриски носят одежду только для того, чтобы не стеснять другие виды. Судя по одежде, произношению и рукопожатию Розмари заключила, что Сиссикс уже давно общается с людьми.

Сиссикс не была единственной, кто вышел из центра управления. Следом за ней из двери вырвалось дуновение горячего, сухого воздуха. Розмари ощутила исходящие из помещения волны тепла. Даже за дверью чувствовалось, что внутри царит жара.

– Тебе же прекрасно известно, что при сильном нагреве панели интерфейса начинают коробиться, – прищурившись, неодобрительно произнес Корбин.

Сиссикс стрельнула в бледного человека своими желтыми глазами.

– Спасибо, Корбин. Я прожила на кораблях только всю свою взрослую жизнь, поэтому понятия не имею, как управлять регуляторами внутренней температуры.

– На мой взгляд, у нас на корабле и так чересчур жарко.

– Если бы вместе со мной в центре управления находился еще кто-нибудь, я бы сделала похолоднее. Честное слово, в чем проблема?

– Проблема, Сиссикс, в том, что...

– Стой! – остановила его Сиссикс, поднимая руку. Она перевела взгляд с Корбина на Розмари. – Почему корабль ей показываешь *ты*?

– Меня попросил Эшби, – поджал губы Корбин. – Мне это не составляет никакого труда.

Он постарался произнести это как можно небрежнее, однако Розмари уловила ту же самую фальшь, которая была у него на лице, когда она вышла из шлюзовой камеры. У нее в груди снова сжался холодный кулак. Она всего десять минут на корабле, и кто-то уже терпеть ее не может. Фантастика!

– Точно, – сказала Сиссикс. Она прищурилась, словно что-то соображая. – Если у тебя есть другие дела, я с радостью провожу Розмари по кораблю.

– Розмари, я не хочу показаться грубым, – процедил Корбин, – но мне необходимо провести тесты на соленость, и чем раньше, тем лучше.

– Вот и замечательно! – воскликнула Сиссикс, кладя Розмари руку на плечо. – Желаю тебе приятно провести время со своими водорослями!

– Гм... было приятно с вами познакомиться, – пробормотала Розмари, но Сиссикс уже увлекла ее прочь.

Корбин скрылся в конце коридора. Весь этот разговор здорово озадачил Розмари, но она была рада более дружелюбному обществу. Ей приходилось делать над собой усилие, чтобы не таращиться слишком откровенно на босые ноги Сиссикс, на то, как тряслись при ходьбе перья у нее на голове. Все движения аандриски казались ей завораживающими.

– Розмари, я хотела бы принести извинения от лица экипажа «Странника», – сказала Сиссикс. – Прибытие в новый дом заслуживает более теплого приема, чем все то, что способен дать Артис Корбин. Не сомневаюсь, тебе уже известно все о спасательных капсулах, но ты ничего не знаешь о том, кто мы такие и чем занимаемся.

– Как вы догадались? – помимо воли рассмеялась Розмари.

– Потому что я вынуждена жить вместе с этим человеком, – сказала Сиссикс. – Как теперь придется и тебе. Но, к счастью, ты будешь также жить и со всеми остальными, а мы, как мне кажется, народ весьма милый. – Она остановилась у металлической лестницы, уходящей вверх сквозь потолок и вниз сквозь пол. – Ты еще не видела свою каюту?

– Нет.

Сиссикс закатила глаза.

– Пошли, – сказала она и стала подниматься по лестнице, следя за тем, чтобы не попасть своим хвостом Розмари в лицо. – На борту нового корабля мне всегда становится лучше после того, как я увижу свою каюту.

Аандриска оказалась права. Как выяснилось, каюта Розмари приткнулась в углу верхней палубы. Единственным предметом обстановки был громоздкий аппарат, встроенный в дальнюю стену, в котором размещались ящики, крошечный шкаф и маленький закуток, служивший койкой. Однако спартанское убранство смягчалось несколькими человеческими штрихами (или, наверное, штрихами разумных видов, предположила Розмари). На койке, застеленной ворсистым одеялом, громоздилась куча разноцветных подушек, преобразующих ложе отшельника в уютное гнездышко. Занавески, упомянутые Киззи, были из ткани с узорами из цветов – нет, не из цветов, а медуз. На вкус Розмари, рисунок был чересчур пестрым, но она не сомневалась в том, что скоро к нему привыкнет. На соседней стене в горшке с гидропоникой росло какое-то растение с каплевидными листьями. Рядом с ним висело зеркало, на котором красовалась распечатанная записка: «Добро пожаловать домой!» Это было самое крошечное, самое простое, самое скромное жилое помещение, какое только когда-либо видела Розмари (номера в убогих гостиницах в космопортах не в счет). Однако в данных обстоятельствах оно показалось ей идеальным. Лучшего места начинать все сначала невозможно было представить.